

Сергей Михалков

БОЛЬШАЯ КНИГА

стихов

сказок

басен

переводов

пьес

«МАТРИЦА»

К 105-летию
С. В. Михалкова

Михалков Сергей Владимирович

Сам о себе

Я, гражданин бывшего Советского Союза, бывший советский писатель Сергей Владимирович Михалков, родился в царской России 13 марта (28 февраля по старому стилю) 1913 года в Москве. Первые свои шаги сделал в доме №6 по улице Волхонке, что неподалеку от Кремля... Автор этих строк мог стать геологом или освоить какую-нибудь профессию, однако стал писателем... С теми, кто тянется к перу и чистому листу бумаги, мне хочется поделиться своим профессиональным опытом, а заодно и рассказать свою биографию. Может быть, кому-то это пригодится...

...Несколько слов о моем отце. Коренной москвич, выходец из русской дворянской семьи, увлеченно занимался птицеводством. Будучи человеком по своей натуре масштабным и инициативным, он полностью предался идее перестройки частного крестьянского птицеводства в крупное государственное.

...Однажды мы получили из-за границы, кажется из Лондона, оригинальную посылку с упакованным в вату десятком крупных яиц. Яйца поделили между курами-наседками. Три яйца оказались «болтунами», зато из остальных вывелись... утята! Это были предвестники ставшей потом

столь популярной у нас в стране породы яйценоских уток «индийский бегун», ярым поклонником и пропагандистом которых был мой отец.

Вспоминается и другой случай, на этот раз характеризующий моральные устои моего отца.

Мне, тринадцатилетнему юнцу, посчастливилось выиграть в московском ГУМе в лотерее за несколько копеек бутылку портвейна! Гордый своей удачей, я вернулся домой и простодушно протянул бутылку отцу:

— Это тебе, папа!

— Где ты ее взял? — спросил отец.

— Выиграл в лотерее! — воскликнул я.

Отец молча вышел во двор, отбил горлышко бутылки об угол мусорного ящика и, вылив вино на землю, спокойно, но веско сказал:

— Никогда не играй! Запомни!

И я на всю жизнь запомнил...

...Отец познакомил меня со стихами Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного. Влияние именно этих поэтов наиболее сильно сказалось на моих детских поэтических опытах. Но больше всего я любил сказки Пушкина, басни Крылова, стихи Лермонтова и Некрасова...

...Умер отец в городе Георгиевске на Северном Кавказе от крупозного воспаления легких 24 декабря 1932 года. Были бы тогда, в начале тридцатых годов, на вооружении нашей медицины были антибиотики, может, и дожил бы до наших дней этот полный творческой энергии, целеустремленный и бесконечно преданный своему любимому делу человек...

...Моя мать, Ольга Михайловна Михалкова, урожденная Глебова, женщина безгранично добрая, мягкая и беззаветно преданная семье, в прошлом была сестрой милосердия, некоторое время учительствовала, а затем целиком посвя-

тила себя мужу и детям. Семья наша, насколько я себя помню, жила очень скромно — всегда на что-то недоставало денег, и матери хватало забот: надо было воспитывать меня и моих младших братьев — Александра и Михаила, помогать отцу в его неутомимом изобретательстве всевозможных механических кормушек и других приспособлений для разведения домашней птицы. Большую часть своих гонораров за книги (а отец также был автором многих популярных в то время брошюр о птицеводстве) он тратил на осуществление своих изобретений.

За заслуги отца мать получала персональную пенсию. Умерла она в Москве, в 1943 году...

Жили мы круглый год в Подмоскowie на даче, принадлежавшей неким Яковлевым, занимая первый этаж дома, одиноко стоявшего в запущенном парке. Ходить в школу было далеко, и потому первоначальное образование я получил в семье.

Кто-то из знакомых порекомендовал родителям взять для присмотра за детьми прибалтийскую немку. Эмма Ивановна Розенберг вошла в нашу семью и с присущей ей немецкой педантичностью взялась за воспитание своих подопечных. С душевной теплотой вспоминаю эту сухопарую, жилистую старую деву, заложившую в мой характер основы самодисциплины и обучившую меня немецкому языку настолько, что я еще в детстве мог свободно в первоисточнике читать Шиллера и Гете...

В обычную школу я пошел с четвертого класса после переезда семьи в Москву...

Писать стихи я начал рано. Мне было немногим больше десяти лет, когда беспризорники, проникшие в нашу квартиру, похитили шкатулку с моими «сокровищами», среди

которых вместе с перочинным ножом и рогаткой хранилась общая тетрадь с начисто переписанными моими первыми стихотворениями.

В 1945 году, в Горьком, после моего выступления в зале Горьковской филармонии знавшая когда-то нашу семью А. Н. Румянцева передала мне бог весть как сохранившиеся у нее восемь моих стихотворений, датированных 1924–1925 годами...

Коротая вечера, я выпускал домашний «литературно-художественный» журнал, был одновременно и редактором, и художником, и единственным автором этого издания. Читателями этого журнала были, конечно, домашние и ближайшие родственники, посещавшие нас.

Приведу одно из стихотворений, «опубликованных» в этом журнале:

Река

Как змея извиваясь
Меж крутыми берегами,
Течет речка в озера
Голубыми водами.

По берегам растут ивы,
Что раскинули ветви,
Посредине же речки
Рыбаки тащат сети.

Ее воды прозрачны,
Дно песчано, глубоко,
По берегам же местами
Растет кучкой осока.

Верхоплавки играют,
Щуки ходят кругами.
Течет речка в озера
Голубыми водами.

Отец послал без моего ведома несколько стихотворений на отзыв одному известному московскому поэту. *«У мальчика есть способности. Однако трудно сказать, будет ли он поэтом. Могу только посоветовать: пусть больше читает и продолжает писать стихи»*, — гласил ответ Александра Ильича Безыменского.

Домашние публикации меня не удовлетворяли. Я мечтал напечататься по-настоящему...

...Множество отказов получил я из разных редакций, пока наконец в июльской книжке журнала «На подъеме» за 1928 год (г. Ростов-на-Дону) не появились мои первые «по-настоящему» напечатанные стихи!

Дорога

Черный ветер гнет сухой ковыль,
Плачет иволгой и днем и ночью,
И рассказывают седую быль
Зеленеющие бугры и кочки.
Гнутся шпалы, опрокидываясь вдаль,
Убегая серыми столбами.
И когда мне ничего не жаль,
Кочки кажутся верблюжьими горбами.

«Очень не восхищайтесь, учитесь работать и шлите нам свои стихи», — писал мне, пятнадцатилетнему начинающему поэту, секретарь редакции, высылая в Пятигорск ав-

торский номер журнала (к этому времени наша семья переехала из Москвы в Пятигорск).

В 1927 году Терселькредсоюзом на постоянную работу была приглашена из Москвы группа специалистов-птицеводов. Одним из первых откликнулся на этот призыв мой отец.

Мы поселились на окраине Ново-Пятигорска, в небольшом одноэтажном, сложенном из самана доме №231 по Февральской улице, в непосредственной близости от ипподрома.

Большой знаток и любитель лошадей, отец брал нас по воскресеньям на скачки. В высоких желтых сапогах и в таком же желтом кожаном картузе, он сам походил скорее на заядлого «лошадника», чем на ученого-куровода. Общительный и веселый, не терпящий никакой грубости в обращении, взыскательный к себе и другим, он всегда был окружен единомышленниками и учениками...

...Отец целыми днями пропадал на птицефермах, на организованной им первой в СССР инкубаторно-птицеводческой станции, в командировках по Терскому краю. В свободное время он изобретал, писал. Наибольшей известностью у птицеводов пользовались его работы: «Чем хороши и почему доходны белые леггорны», «Правильное кормление яйценоских кур» и другие популярные брошюры. Менее чем за десять лет было опубликовано около тридцати его работ.

Много лет спустя в журнале «Птицеводство» (№ 10, 1967г.), посвященном пятидесятилетию Советской власти, в разделе «Они начинали», я увидел имя своего отца в числе ветеранов советского птицеводства...

27 августа 1966 года мне было присвоено звание «Почетный гражданин города Пятигорска». Это звание я мысленно делю сегодня со своим отцом.

Благосклонно относясь к моим литературным упражнениям, отец предложил мне как-то написать десяток четверостиший для сельскохозяйственных плакатов, посвященных птицеводству, автором которых он являлся. Я охотно выполнил заказ. Четверостишия, прославлявшие птицеводов и агитирующие за современные методы птицеводства, были опубликованы. Отец крепко пожал мне руку, и это рукопожатие было для меня дороже всякого гонорара.

К этому времени я уже стал одним из авторов краевой газеты «Терек», выходившей в Пятигорске...

Многим обязан я и моему школьному учителю русского языка и литературы А. Сафроненко, по-отечески поддерживавшему меня в моем стремлении стать настоящим писателем.

В 1930 году по окончании пятигорской школы 2-й ступени имени 25-го Октября я решил начать самостоятельную жизнь...

«...Посылаю сына в Москву, чтобы попытаться поставить его на ноги. Его задача получить нужное для писателя образование — путем работы в библиотеке, посещения театров, диспутов и общения с людьми, причастными к культуре. Если в течение года он сумеет двинуться вперед и будут какие-либо надежды, то возможно учение в литературном техникуме, если нет — он поступит на завод рабочим и потом будет учиться по какой-нибудь специальности...» — писал отец в письме своей сестре М. А. Глебовой, проживавшей в столице.

— Больше всего ты любишь писать стихи. Пробуй свои силы. Учись дальше. Попробуй вылечиться от заикания. Работай над собой. Может быть, со временем из тебя что-нибудь и выйдет. Но главное, чтобы из тебя вышел человек! — напутствовал он меня, провожая в Москву.

Мне исполнилось семнадцать лет.

Страдая с детства дефектом речи — заиканием, я никогда не стеснялся своего недостатка. В определенных трагикомических ситуациях я так умел обыграть свое заикание, что в школе никому из моих сверстников и в голову не могло прийти посмеяться надо мной.

Мне исполнилось семнадцать лет. Полный надежд, готовый преодолеть любые житейские невзгоды, я покинул отчий дом...

Существовать на литературный заработок было трудно. В течение трех последующих лет я сменил ряд профессий: работал разнорабочим на Москворецкой ткацко-отделочной фабрике, был помощником топографа в геологоразведочной экспедиции в Восточном Казахстане и в изыскательской партии Московского управления воздушных линий на Волге. Мне пришлось по душе дружная кочевая жизнь геологоизыскателей — жизнь, полная романтических неожиданностей, трудностей и приключений. Но я не оставлял мечты о литературном творчестве.

С 1933 года я стал более или менее часто печататься в столичной прессе. Мои стихи появлялись на страницах «Огонька»... на газетных полосах «Известий», «Комсомольской правды», «Вечерней Москвы». Опубликованная в «Огоньке» песня «Марш эскадрилий» была неожиданно перепечатана «Правдой». К этому времени относится начало моей долголетней дружбы с такими выдающимися мастерами советской эстрады и театра, как Рина Зеленая и Игорь Ильинский, в исполнении которых впервые зазвучали со сцены и по радио мои стихи для детей.

Я был зачислен на внештатную работу в отдел писем редакции «Известий». Здесь я впервые встретил ставшего на многие годы моим близким другом молодого, популярного

писателя и фельетониста Льва Абрамовича Кассиля. На всю жизнь останется для меня примером образ этого чудесного человека, неутомимого газетчика, подлинного патриота и одного из зачинателей советской детской литературы, отдавшего всю свою жизнь, весь свой талант делу воспитания детей и юношества.

Молодые поэты и прозаики тридцатых годов принимали живое участие в работе заводских литературных кружков, выступали на страницах многотиражек, в рабочих и студенческих аудиториях... В эти годы для меня, как и для многих моих товарищей по литературному объединению при журнале «Огонек» (Е. Долматовский, Л. Ошанин и др.), равно как и по Литературному институту имени А. М. Горького (К. Симонов, М. Алигер, С. Васильев и др.), стало насущной потребностью творчески откликаться на события времени. У меня вырабатывалось все более активное отношение к жизни, внутренняя потребность черпать свое вдохновение в делах и мыслях современников. Я писал стихи о челяускинцах, о перелете Чкалова, о пограничниках, о событиях в Испании и Абиссинии — обо всем, чем жило тогда наше поколение.

На примере собственной литературной судьбы у меня сложилось представление о том, что большинство людей рождается с задатками каких-либо способностей. Важно только, чтобы среда, в которую попадает человек, способствовала их выявлению. Любая способность может превратиться в дарование, если ее вовремя доброжелательно заметить, точно направить и разумно поддержать. Но направлять и поддерживать — это тоже талант, доступный не всем...

...На моем молодом литературном пути было много памятных встреч и знакомств, жизнь щедро одарила меня

дружбой с людьми незаурядными. Многим из них я обязан на всю жизнь.

Александр Александрович Фадеев был душевно щедр и скромен, добр и отзывчив, резок и принципиален в своих суждениях даже тогда, когда в чем-либо ошибался. Он любил читать вслух стихи, петь протяжные русские песни, бродить с ружьем по лесам и болотам, общаться с друзьями. Он умел спорить и полемизировать, защищать то, что ему нравилось, и нападать на то, что было противно его натуре...

Таким я знал Александра Фадеева на протяжении двадцати пяти лет. Мне было двадцать три года, когда я, почитатель его «Разгрома», опубликовал в «Огоньке» стихотворение, посвященное А. Фадееву. Он заподозрил начинающего поэта в желании польстить ему, одному из руководителей Союза писателей. Увидев автора, он прямо так и сказал ему это, глядя в глаза. Но автор незрелых виршей написал эти стихи вполне искренне, и он поверил ему. И сменил гнев на милость, сказав при этом, что «стишки-то все-таки не ахти!».

Так состоялось наше знакомство.

Мои первые стихи для детей сразу обратили на себя его внимание. Он заинтересовался ими, взял на себя негласное шефство над молодым детским писателем...

С начинающим литератором, в которого он верил, Фадеев говорил всегда как равный с равным. Его разговор носил часто нелицеприятный характер, но он никогда не разочаровывал собеседника, а, наоборот, окрылял. И если уж он хвалил, то похвала его была стопроцентно надежной. Его тонкий вкус художника и поэтические привязанности давали право так думать.

Мы часто бывали на охоте. Ездили обычно одной и той же компанией: художник, актер, доктор и еще один-два человека из близких знакомых. Это были незабываемые поездки!.. На охоте можно было говорить с Фадеевым о чем угодно, только не о делах. В таких случаях он мрачнел, отвечал неохотно и, наконец, мог даже оборвать собеседника на полуслове. Может быть, поэтому он и ездил на природу чаще всего с людьми «нелитературного цеха»...

В 1949 году на сцене Большого театра СССР с успехом шла комическая опера Б. Сметаны «Проданная невеста». Спектакль был выдвинут на соискание Государственной премии, и в числе коллектива участников и создателей спектакля стояла и моя фамилия как автора русского текста. На одном из решающих заседаний Комитета по Государственным премиям по предложению А. А. Фадеева, являвшегося председателем комитета, моя кандидатура была снята с голосования.

После заседания Фадеев как ни в чем не бывало пригласил меня пообедать. Мы сидели у него дома вдвоем за обеденным столом, и я, естественно, не удержался, чтобы не вернуться к интересующему меня вопросу.

— И не думай! — сказал простодушно Фадеев. — Ты можешь писать оригинальные произведения, а этот твой текст, может быть, сам по себе и хорош, да не самостоятелен! За эту работу премии тебе не полагается, и ты ее не получишь! Это я тебе говорю! Да, да! Вот так! Пиши больше для детей!..

Я познакомился с С. Я. Маршаком в середине тридцатых годов.

Пионерский отдел Московского городского комитета комсомола предложил мне принять участие в конкурсе на